

Глава 1

Прибыв в конце марта под Амьен, в расположение 2-й армии, я обнаружил там еще больший беспорядок, чем ожидал. Штабы работали хаотично, с трудом понимая друг друга, связь была налажена далеко не лучшим образом. К тому же панические слухи, добравшиеся сюда, делали положение фон дер Марвица еще более пагубным. Если в чем-то еще сохранялся порядок, так это среди мертвецов, их укрытые брезентом тела лежали аккуратными пирамидами, точно заблаговременно подготовленное армейское имущество. Это отчего-то деморализовало меня еще больше. Если что-то здесь еще работало должным образом, то только похоронные команды.

Пауль Вайгль, «Три дня и три года»

Этот странный солдат почему-то сразу привлек внимание Дирка. Он сидел на корточках у чадающего костерка и, обхватив рукавицей жестяную консервную банку, то совал ее в огонь, то вынимал, изучая ее содержимое самым внимательным образом. Банка была обычной, из-под консервированных бобов. Но солдат был так увлечен процессом, что не заметил даже скрипа тормозов подъехавшего тяжелого «Мариенвагена».

Дирк выбрался с пассажирского места, оправляя на себе форму. После тряски в душной металлической скорлупе, пропитанной острыми, всегда сопутствующими броневишкам запахами, сам себе он казался куском ветоши, пролежавшим несколько лет в банке из-под керосина. Ощущение твердой земли под ногами доставляло немалое удо-

вольствие. Нечто подобное, наверно, ощущают моряки, покинувшие шаткую палубу корабля — бесконечно родную, но уже порядком опостылевшую. Сходство с кораблем было и в самом деле явным. Прямые острые линии «Мариенвагена» напоминали хищный контур боевого корабля, увенчанный приземистой башней главного калибра, разве что вместо артиллерийских орудий броневомобиль располагал лишь пулеметом. Его задранный вверх ствол без интереса изучал низкое, укутанное легкими облаками фландрийское небо.

Дирк огляделся, чтобы понять, не слишком ли сильно они оторвались от взвода, и удовлетворенно кивнул сам себе — три трехтонных грузовых «Бенца» его взвода немного отстали, преодолевая перепаханное воронками поле, но теперь быстро приближались. Не в пример «Мариенвагену» выглядели они куда менее броско, просто пыльные коробки на колесах, подпрыгивающие на кочках и ухабах.

— Кажется, взвод Йонера остался позади, — комментировал Дирк вслух, захлопывая тяжелую дверцу. — Должно быть, они завязли в той низинке за бывшим лесом.

— Возможно, они остались ждать мастера, — предположил его спутник, сидевший на месте водителя. От долгой езды в стальном ящике, из всех окон которого в наличии было лишь прикрытое бронешитком небольшое отверстие, позволяющее обзирать дорогу, он не раскраснелся, напротив, сохранял заметную бледность. Как и сам Дирк.

— Может быть. В любом случае люфтмейстер Хаас оказался бы слишком ленив, чтобы сообщить нам это. Или же слишком пьян. Значит, мы прибыли первыми, опередив всю роту, а, Карл-Йохан? И славно. Когда нам в последний раз приходилось бывать в авангарде?

Водитель, которого он назвал Карлом-Йоханом, тоже выбрался из броневика и зачем-то несколько раз ударил

каблуком сапога по гусеницам, заляпанным засохшей глиной и ключьями жухлого сена. Если он и собирался хоть частично приуменьшить количество налипшей на сапоги грязи, особенного успеха это действие не возымело. Гостеприимная фландрийская грязь с благодарным бульканьем едва ли не по колено принимала ногу всякого, кто имел неосторожность выбраться из броневика.

— Кисель по-бельгийски, — сокрушенно вздохнул Карл-Йохан. — И по моему любимому классическому рецепту.

Несмотря на тон, выглядел он не очень удрученным. Живые глаза со смешливой искринкой взирали на окружающий мир, не выказывая жалоб.

— В скором времени мы добавим в него морс по-французски, — обнадеживающе кивнул ему Дирк. — Не переживайте, ефрейтор, скучать нам здесь не придется. А пока не худо было бы определиться, не занесло ли нас к черту на рога.

— Я старался держаться уцелевших ориентиров и инструкций мастера. Но не моя вина, если мы сейчас стоим где-нибудь посреди Голландии. Проклятые пушки не один год трудились на славу, чтобы усложнить бельгийским школярам уроки географии.

— Зато с обозначением месторождений металлов у них никогда не будет проблем, — в тон ему пошутил Дирк. — Из этой земли сталь будут выковыривать еще лет двести. Вон там, я думаю, окопался двести четырнадцатый.

— Вполне вероятно, — сдержанно согласился Карл-Йохан, с хрустом разминая шею.

— Что ж, по-вашему, это не траншеи?

— Это траншеи, господин унтер, да только вопрос в том, те ли это траншеи, которые нам нужны. В этом аду немудрено перепутать и землю с небом, так что я не удивлюсь, если нас занесло в кромешную глушь, а не в расположение

двести четырнадцатого полка. Мало ли траншей понакопали здесь за четыре года...

— Ну, это-то нетрудно узнать, — заметил Дирк и гулко постучал кулаком по кузову «Мариенвагена». — Ефрейтор Клейн, Шеффер, Риттер, выбирайтесь оттуда! Я пока узнаю обстановку.

— Пошлите разузнать Шеффера, — предложил Карл-Йохан. — Он все-таки ваш денщик. Бегать — это его работа.

— Ерунда, — отозвался Дирк. — Схожу сам. Приятно размять кости после тряски в этой керосиновой банке.

Идти было сложно, и Дирк быстро пожалел о том, что вызвался идти сам, вместо того чтоб отправить кого-то из нижних чинов. Грязь была не так глубока, как осенью, а Дирк знал, что представляет собой Фландрия в те месяцы, когда вездесущее болото по-настоящему засасывает все живое: траншеи, людей, лошадей, технику, растекаясь жирной глинистой жижей до самого горизонта. Здешняя весна в этом отношении куда приятней.

И все-таки идти было неудобно, черно-серое месиво неохотно отпускало подошвы, издавая огорченные вздохи и хлюпая на несколько голосов. Кое-где видны были редкие доски настила сродни тропкам на болоте, но подновляли их изредка и без должного старания; многие сотни подошв, колес и копыт глубоко вмяли настил в грязь, некоторые доски были расколоты, а то и превращены в щепу. Было заметно, что ими никто не занимался всерьез. Кое-где из земли торчали странные колья, которые Дирк сперва принял за вешки, обозначающие дороги. Но это были лишь остатки деревьев, чьи стволы оказались срублены осколками давным-давно. Эти зазубренные, торчащие из земли жала придавали окружающей панораме болезненный, неприятный вид. Как занозы, торчащие в чьей-то разлагающейся серой коже.

Вытягивая ноги из грязи, Дирк подумал о том, что грязь сейчас представляет наименьшую проблему. Но именно наименьшие проблемы обыкновенно портят все в первую очередь.

Странный солдат, сидящий на корточках возле костра, без интереса скользнул по Дирку взглядом, когда тот подошел поближе и оказался в поле его зрения. Взгляд был совершенно равнодушный. Таким взглядом смотрят только на привычные, не представляющие интереса вещи. На старый котелок или грязную тряпку. Дирк подумал, что даже будь он одет по всей форме, этот странный тип и тогда не проявил бы ни малейшего любопытства.

— Эй, приятель! — дружелюбно обратился к нему Дирк. — Послушай, это двести четырнадцатый?

Солдат с банкой на секунду отвлекся от своего странного занятия, лишь для того чтобы смерить Дирка еще одним безразличным взглядом. Сейчас выбравшийся из бровеика человек в странной серой форме лишь отвлекал его.

— Что?

— Это двести четырнадцатый пехотный полк, говорю? Командир — оберст фон Мердер?

Солдат не удостоил его ответом. Снова сунул консервную банку в огонь и стал зачарованно наблюдать за ней. Сейчас весь мир для него сузился до размеров кострища, и унтер-офицер Дирк Корф определенно не являлся его частью.

«Контуженый, что ли? — подумал Дирк со сдерживаемым нетерпением. — Впрочем, не похож. У контуженых взгляд делается прозрачный».

— Четырнадцатый, — вдруг ответил солдат, не глядя на него. — А может, и нет. Какая разница? Хоть четырнадцатый, хоть тысяча четырнадцатый. Никакой разницы. Тут уже самому черту все равно...

— Так уж и все равно?

— Без разницы. Когда шрапнель в голову попадает, тут внутренность вся наружу вылазит, будь хоть четырнадцатый, хоть даже и пятнадцатый. Или что же, в раю тоже будут по частям сортировать? Вроде как двести четырнадцатому полку в одном месте квартировать надо?

Дирку захотелось рассмеяться этому безумному ответу, до того нелепо тот прозвучал, но он сдержал себя.

— Да ты, приятель, философ. Что там у тебя в банке такое?

Солдат больше не смотрел на него. Вероятно, он окончательно решил, что Дирк не представляет для него интереса.

— Жук, — сказал он.

— Какой еще жук?

— Мелкий, вроде вши. По весне вылез, наверно.

— И что ты с ним делаешь?

— В огонь сую. Его припекает, и он лапками сучить начинает, бегать... А как из банки выберешься... Бегаёт как полумный. Точно пуалю¹ на адской сковородке. — Странный солдат тихо засмеялся, и смех его прозвучал хрипло — как сердитый треск жука в жестяной банке.

— Так что же ты его мучаешь?

— Место здесь, видать, такое, что всем мучиться положено. Мы свое мучаемся, по человеческой доле, он, стало быть, по своей, жучиной... Нас подпалит, мы ножками дрыгаем. Особенно когда французы гаубицы заведут, как третьего дня. Всякому отмучиться должно. Человек ли, жук... Нет в этом никакой разницы, вот что я скажу.

Дирк вздохнул. От этого парня, пожалуй, ничего не добьешься. Но должен же здесь быть хоть один нормальный человек?

¹ Пуалю — «волосатые» (*фр.*) — прозвище французов, распространенное среди немецких солдат во время Первой мировой войны.

Он огляделся, выискивая признаки жизни в мире, состоящем из всех известных оттенков черного цвета.

Жизнь была здесь, но она спешила спрятаться под землю, где царил относительная безопасность. Траншеи начинались метрах в ста от того места, где стоял Дирк. Отсюда они выглядели причудливым темным узором ломаных линий, больше напоминавшим систему марсианских каналов, чем что-либо, сотворенное человеческими руками. В длину они тянулись насколько хватало глаз, уходили пунктиром в горизонт. Должно быть, какой-нибудь великан вооружился огромным плугом и потащил его за собой, оставляя после себя глубокие шрамы в земле.

На поверхность пробивались лишь незначительные признаки жизни, сама она закопалась на многие метры вниз. Жизнь в этих краях была настороженна и боязлива. И на то были причины.

Дирк попытался представить, сколько времени и сил заняло возведение этих позиций, и решил, что не меньше нескольких месяцев. Перед ним простирался настоящий город, заглубившийся в землю, обширнейший лабиринт, состоящий из бесконечного количества траншей, крытых переходов, лазов, ответвлений, блиндажей, укрытий и складов. И пусть на поверхности оставалось лишь немного, самая вершина айсберга, об истинном размере оборонительных позиций можно было судить по мокнущим в грязи маскировочным сеткам, изредка торчащим антеннам и прочим признакам, различимым лишь вблизи.

Этот город был населен, и, хотя его обитателей сложно было рассмотреть, Дирк мог разглядеть шевеление в траншеях. С расстояния это шевеление казалось бессмысленным, как движения муравьев, снующих по муравейнику. Виднелись выцветшие под солнцем кителя, мокрые плащи, потерянные металлические каски, мутный табачный дымок,

чьи-то лица, кажущиеся мелкими белесыми пятнышками, обращенные в его сторону.

Совершенно ничего необычного. Дирк разглядел ровные квадраты пулеметных гнезд, увитые колючей проволокой, ходы сообщения, поросшие бурьяном брустверы, к которым лопата не прикасалась как минимум несколько недель.

Кое-где выглядывали тонкие печные трубы, похожие на направленные в зенит противоздушные орудия. Еще доносились звуки — тот особенный шелест, в котором невозможно различить что-то отдельное, который образован большим количеством находящихся вместе людей. Над одной из траншей блеснули линзы бинокля. Но судя по тому, что никто не спешил выбраться на открытое пространство, чтобы поприветствовать прибывших, вряд ли они были здесь желанными гостями.

Дирк этому не удивился.

«Четырнадцатый или тысяча четырнадцатый, — подумал он, механически разглядывая сложный узор траншей, в котором копошились люди, — в сущности, никакой разницы. Как сказал мой новый знакомый, даже самому черту уже все равно. И, кажется, он совершенно прав».

Там, где заканчивались передние линии траншей, началась нейтральная полоса — холмистая, тянущаяся вдаль бесконечной неровной лентой, в изобилии поросшая желто-зеленым прошлогодним кустарником. Когда-то здесь была настоящая степь, но разрывы снарядов перепахали ее по-своему, разрывая податливую земляную плоть. Глубокие воронки поросли густой травой и теперь выглядели так, будто были здесь всегда, с самого сотворения мира. Наверно, пройдет не одна сотня лет, прежде чем эрозия почвы и ветер уничтожат эти следы. А может, они так навсегда здесь и останутся — одним из бессмысленных следов человеческого пребывания.

От нейтральной полосы тянуло опасностью, Дирк подавил желание поежиться, глядя на нее. Он словно взглянул на кусок инопланетного ландшафта, атмосфера над которым вместо воздуха содержала неизвестный, но очень ядовитый газ. На такую землю не хотелось становиться ногой. Хотя, казалось бы, земля и земля, даром что перепахана, как ухоженная грядка...

Километра через два или три — Дирк не мог поручиться за точное расстояние — можно было разглядеть что-то еще, какие-то темные полосы, сливающиеся в одну. Тоже траншеи. И, судя по всему, французские. Еще несколько дней назад бывшие германскими. Наверно, сейчас в них царило такое же оживление и невидимые ему люди тоже прикладывали к глазам бинокли. Дирк машинально прикинул дистанцию. Какой-нибудь прыткий лягушатник может не удержаться и пальнуть, несмотря на ничтожный шанс попасть. Быть может, любопытный глаз оптического прицела уже уставился ему в грудь и чей-то палец нежно гладит отполированную частыми прикосновениями спусковую скобу.

Дирк отмахнулся от этой мысли. Даже окажись у лягушатников столь меткий и безрассудный стрелок, расстояние между позициями сделает выстрел бесполезным — тут винтовка с самым кучным боем даст разлет метров на двадцать. Жаль, бинокля нет, оставил в «Мари»... И все же, когда он шел обратно к броневику, между лопатками неприятно ныло, как от царапающей спину, неправильно отрегулированной портупей.

Пока он изучал окрестности, грузовики его взвода успели подъехать и замереть неподалеку от «Мариенвагена». В них не было ничего от хищных линий броневика, их круглые, заляпанные грязью фары придавали металлическим мордам обиженное и удивленное выражение вроде того, что встречается обычно на лицах стариков. Через борта без-

звучно прыгали люди в серой форме и замирали неподалеку. Недавние пассажиры сноровисто оправляли амуницию и оружие, по сторонам смотрели с интересом, но без особого любопытства.

— Ефрейтор Бауэр! — крикнул Дирк, ощущая удовлетворение от того, как легко его голос разносится над полем, подхватываемый ветром. — Построить взвод в две шеренги!

— Так точно, господин унтер! — отозвался верный Карл-Йохан, он же ефрейтор Бауэр.— «Листья!» В две шеренги! Живо!

Карл-Йохан обращался со взводом легко, как пианист, одними лишь кончиками пальцев заставляющий сложный инструмент издать арпеджио. Он не кричал, не ругал нижних чинов, не отдавал нетерпеливых команд командирам отделений, не проклинал извечную грязь, из которой десятки сапог выбивали бесчисленные фонтаны. Присутствие ефрейтора Бауэра зачастую даже не ощущалось, но сама его фигура, стройная, облитая, как и прочие, серым сукном, оказавшись в сколь угодно хаотичном сплетении человеческих тел, становилась той точкой стабильности, вокруг которой немедленно происходило естественное упорядочивание. Такой дар есть у немногих, и Карл-Йохан, заместитель командира взвода, обладал им в полной мере.

Солдаты стали выстраиваться возле грузовиков, и прошло не более двадцати секунд, прежде чем копошащаяся в кузовах разнородная человеческая масса обратилась двумя неподвижными, отлитыми из стали линиями, идеально ровными и единообразными.

Дирк привычно оглядел строй, определяя, все ли на месте, хоть и знал, что все. Толль, Юнгер, Лемм, Классен, Штейн, Фриш... Взгляд выхватывал знакомые лица из шеренг, быстро, как затвор выхватывает патроны из снаряженной пулеметной ленты. Впрочем, сейчас они все были по-

хожи друг на друга, бледные лица выделялись на фоне темно-серого форменного сукна.

На левом фланге выстроились штальзарги Кейзерлинга, тонны неподвижной вороненой стали. Они походили на замершие перед началом шахматной партии фигуры, отлитые в готическом стиле. Их перевозили по трое в грузовике, слишком уж тяжелы, и выгрузка их проходила медленнее всего. Огромные тела шлепались в грязь тяжело, как неразорвавшиеся снаряды. Грязь разлеталась далеко в стороны под их ногами, больше похожими на лапы. Штальзарги всегда выглядели зловеще, вот и сейчас Дирк мысленно поежился, представив на мгновение, что испытал бы француз, окажись сейчас на его месте и встретить взгляд бездонных провалов-глазниц в глухих заваренных забралах... Кейзерлинг, командир отделения штальзаргов, неразборчиво что-то проворчал, и его молчаливые подчиненные образовали ровную линию, не нарушаемую даже случайным движением или вздохом.

За штальзаргами выстроилось пулеметное отделение Клейна. Сам Клейн, невысокий, кряжистый, похожий на пролежавшую многие годы на солнцепеке корягу и ставшую оттого совершенно каменной, отдавал команды быстро и четко, периодически снабжая их сочным траншейным ругательством для доходчивости. Ему редко требовалось более пятнадцати секунд, чтобы построить своих парней.

Вот и сейчас пулеметчики второго отделения стояли идеально ровным порядком, толстые стволы замерли над их головами, как пики древних германцев. Обычному человеку не просто было бы закинуть тяжелый «MG-08» за спину, как простую винтовку, но обычных людей здесь и не было. Взгляд Дирка привычно остановился на Кае Тиммермане, небрежно державшем на ремне чудовищный противотанковый пулемет, весивший куда больше него самого, помедлил секунду — и двинулся дальше.